

Культ огня у алтайцев и телеут.

И. П. Дыренковой.

(Представлено академиком Е. Ф. Карским в заседании Отделения Исторических Наук и Филологии 21 апреля 1926 года).

В культе алтайцев и телеут особенно ярко выражено благоговейное отношение к огню вообще и огню очага в особенности, выявляющееся в почитании хозяина огня «от-ăзі», как чистого благодетельного духа. Пламя огня, которое варят им пищу, освещает юрты и согревает их, вполне естественно рисуется в представлении алтайцев и телеут как живое, покровительствующее им существо. Огонь для них самый чистый и почитаемый дух. В культе огня и у алтайцев, и у телеут нашли себе отражение и аниматическое, и анимистическое представление об огне и «хозяине» огня. Алтайец и телеут прежде всего почитает сам очаг, «трехгранный каменный очок» или «вкопанный матерью камень-очок», и чтит вещественный и видимый огонь, его пламя, которое имеет длинные языки, лижущие дрова и поедающие их, и голову, которую боятся поранить железным ножом или ушибить железной клюкой. К огню обращаются в молитве:¹ «В одежде из зеленого шелка, радостное зеленое пламя, в одежде из красного шелка, веселое красное пламя». Но к этому аниматическому представлению примешивается представление о духе огня, обитающем в очаге или спускающемся на жертвенное место, усыпанное «золой, подобной талкану», о «тридцатиголовой матери-огне, с ушами из согнутого тростника, сорокаголовой девичьей матери, по семи спускам спускающейся, на семи зыбунах качающейся». Образ хозяина огня всегда антропоморфен. Огонь имеет отца и мать, которые его рожают, т.-е. высекают. В молитве говорится: «Будучи высеченный отцом, будучи матерью зажженный, тридцатиголовая мать-огонь, с ушами из выгнутого камыша», и в другой молитве: «Мой отец, высекший великое пламя, мать, сгребаящая каменный очок, искры искрящая». Боже-

¹ Тексты молитв приложены в конце статьи.

ство огня рисуется как белая, светлая девушка¹ «кыз-айя» — девица-мать. Оба представления о пламени огня, который горит в очаге их юрты, и хозяине огня, что живет в нем, чей голос он слышит в треске огня, чье движение видит в колыпании пламени, смешиваются между собой и сливаются в одно общее представление об «от-айя» — матери-огне: «Соединяющаяся с ясностью неба, свет распространяющая, хребты Алтая освещающая. Внутри дома освещающая, с украшением на голове мать-огонь. Внутренность дома освещающая, на бело-желтой лошади огонь-мать».

У телеут кроме «от-айя», живущей в каждом отдельном очаге, имеется представление о высших божествах огня. На 7-ом спуске, на пути к главному божеству огня, среди камней, из которых будто бы добывается огонь, обитает «уч очоктың Ырум-кан» — хозяин трех очагов. Молитва к нему начинается словами: «О хан, спустившийся на землю, чтобы не прерываться» и т. д. Рядом с ним живут горные духи.

За многими этапами от жилища человека, на 13-ом спуске, в чистом месте, живет, по представлению телеут, высшее божество огня — «Оімок-ару». Ходить к нему может только кам. Он же только его и видит. «Но теперь», говорят телеуты, «камы хуже стали, почему они в настоящее время его уже не видят, а только издали разговаривают». Его обычно в молитвах называют «Ажыра-білбән оімок-ару» — всезнающий, уважаемый. По объяснению телеут, «оімок-ару» приходится не то отцом, не то матерью матери огня, он старше всех, и нельзя про него сказать: ни «тридцатоголовый», ни «сорокаголовый». Таким образом, телеуты его себе как-будто реально не представляют. Любопытно, что в некоторых случаях он им рисуется в виде желтого соболя, величиною с большой палец, «ергак појы-сары-кіш», и называют его «оімок», что они сами переводят словом «наперсток». Должно быть, это странное название есть название табуированное, так как, повидимому, называть его настоящим именем недопустимо. В молитве читается: «Чистый очаг (ямка), всезнающий и уважаемый, все мерзлое тающий, все сырое варящий». В молитвах часто образ «оімок-ару» смешивается с образом «от-айя». Путь к «оімок-ару» сложен: кам ходит к нему от очага, спускаясь и поднимаясь на 12-ти спусках и подъемах; на пол-дороге, на 7-ом спуске встречает «ырум-хана» и на 13-ом спуске — «оімок-ару». На рис. 1 изображены начерченные телеутом Сергеем Шабурковым, сбѣка Меркіт, из улуса Чарга, дороги к божествам огня, по которым кам идет к ним, и место их обитания, как это представляется самим телеутом. Представление о мире, о пути, по которому кам идет

¹ Как русская девушка, говорят алтайцы и телеуты, потому что особенно красивыми считаются русские, имеющие светлые волосы и светлые глаза.

к «оімок-арӯ», они соединяют с представлением о печи, в которой находится огонь и, следовательно, все те духи, которые с ним связываются. По рисунку видно, что кам начинает свой путь от трех очагов (о них ниже), которые

Рис. 1. Дорога к божествам огня.

ставятся на шестке, справа от чела печи; путь идет вокруг печи, где в глубине живет «урӯм-кан», и возвращается к ямке «ор» слева от чела, в поду печи. В эту ямку обычно сгребают угли после топки печи, и здесь они остаются до следующего утра. Таким образом, представление о хозяине огня сливается с очагом в одно общее представление о чистом, благотворном огне, дающем тепло в холодные зимы, свет в темные ночи и возможность существовать в неприглядных и суровых условиях их быта.

II.

О происхождении огня телеуты обычно говорят, что верховное божество «кудаі» создало землю, воду и огонь. Кроме того, у них существует легенда о том, как птица «корболко» научила людей добывать огонь: «Когда сотворилась земля, выплавившись из расплавленной меди, создал „кудаі“ траву, животных и человека. Все создал он, но не создал огня. Собрал он все свои творения и сказал им: „Все я вам дал; живите как хотите, но огонь найдите сами“. Птицам отсутствие огня было незаметно, так как они питались сырой пищей. Звери поедали более слабых. Хуже всего было человеку: без огня ему нельзя было жить. Тогда птицы сжалились над людьми, собрались и решили помочь им. Но никто из них не знал, как помочь. Долго летали они над землей во все стороны, ничего не нашли и не придумали. Вернувшись с полета, одна птица, по имени „корболко“, сказала остальным: „На березах растет гриб-губа, на горах есть камни, а у человека чистое железо, пусть он высекает огонь“. И научила птица „корболко“ людей высекать огонь».

Алтайцы относят происхождение огня ко «времени Ойрот-хана», когда гора научила их добывать огонь: «Это было давно, еще Ойрот-хан

был в то время, и война была с киргизами. Спрятался калмыцкий народ за гору и сидит. Уж много их киргизы убили. Пищу найдут калмыки, зверя ли, птицу ли убьют, а огня нет. И сказала тогда им гора: „Возьмите от меня два камня. У коней ваших есть навоз, и будет у вас огонь“». У алтайцев еще существует легенда, по которой во время потопа, *жаык* научил их добывать огонь трением; «потоп был уже давно, когда — татары не помнят. *Сёбк* *Иркіт* спасся на горе *Жалмаңку*. По всему миру потоп вышел из земли от земляного духа. Двинулись к небу навстречу земляные духи. Вся земля скрылась под водой. Плавали одни рыбы. Научил *жаык* татар плот сделать, „сал“. Приплыли они на вершину *Жалмаңку*. Там на *Жалмаңку* научил их *жаык* добывать огонь. Если бы не было матери-огня, то не явился бы им огонь-пламя из лиственницы на *Жалмаңку*. Из лиственницы научил их *жаык* звать ее. И жили татары на *Жалмаңку* (в юрте), и мать-огонь жила у них. Когда ушла вода, спустились они вниз и унесли с собой огонь. И мать-огонь стала жить с ними на земле в юртах и охранять их». В этой легенде единственный раз упоминается о том, что огонь добывался трением.¹ Обычно про огонь говорится в молитве: «Будучи высеченный отцом, будучи матерью зажженный», а у алтайцев: «Высеченное великое пламя отцом, мать сгребаящая каменный очок, искры искрящая».² Огонь и сейчас добывается огнивом, и только в местах соприкосновения с русскими огниво в обычном быту заменяется «серянками» — спичками. Однако, при разведении огня в первый раз в юрте молодых, огонь добывается высеканием.³

III.

Огонь является хранителем жизни *сёбка*. В прежние времена, когда род вымирал тушили огонь в последней юрте, так как жизнь в этом роде уже угасла. Огонь — необходимый член как всего рода, так и каждой отдельной семьи. Каждый род бережет свой огонь и не дает другому роду. Никому

¹ Трением из лиственницы огонь добывается и теперь во время падежа скота; при этом зажигаются костры, через которые прогоняется скот. Телеуты считают этот обычай заимствованным от русских.

² В одном из преданий говорится, что земные духи научили алтайцев высекать огонь огнивом.

³ Сумочка для огнива обычно плоская, кожаная, с медными украшениями, называется «откың-кабы». Ее носят за кушаком, а в доме она висит над постелью. Огниво держится в ящике, в переднем углу дома на полке, «азкы», где хранится все ценное в семье. В сумочку кладется кремль или камень, «таш», и трут, приготовляемый из наростов, сдираемых с берез, «машка», или из травы, называемой «коі жалбрак». При высекании огня, искру с трута берут на сухую траву и раскачивают в руке до тех пор, пока не разгорится пламя.

не дают ни алтайцы, ни телеуты вынести огонь из юрты или из дома. И там, где теперь этот обычай уже утрачивается, все же не дают своего огня в течение определенного времени после камланья и жертвы огню. После заката и до восхода солнца чужой человек не имеет права выносить огонь из юрты. И когда пришедшие гости закуривают от хозяйского очага, то выходя из юрты, они обязаны выколотить свою трубку. В некоторых алтайских юртах только в течение 3-х дней после камланья не дают выносить огонь, после же этого срока каждый может вынести огонь, но не имеет права принести в свою юрту в том случае, если он чужого рода. 15-ые и 16-ые числа, называемые «ак-толу» и «кызыл-толу», считаются наиболее счастливыми днями, и тогда не дают огня даже родному брату из боязни, чтобы он не отнял счастья семьи. В некоторых местах не разрешается и самому хозяину выйти с трубкой за ограду юрты или дома в течение нескольких месяцев после камланья. Боязнь отдачи огня объясняется нежеланием потерять богатство и благосостояние рода, потому что вместе с огнем может уйти и хозяин огня. Во время молнии и грома не разрешается выносить огня из юрты потому, что в это время «кудай» стреляет в нижних злых духов, которые смогут спрятаться от его стрел за огонь земной; в огонь же бросать свои стрелы «кудай» не станет.

При перекочевках старики брали свой огонь, хотя бы несколько головней, и на новом месте раздували прежний огонь. Иногда разводили огонь огнивом или брали у кого-нибудь поблизости из своего сбька. Так же переносили огонь при переходе в новый дом. Старший брал головню или угли, нес на деревянной лопатке, читая молитву матери-огню, и складывал их в печь.

Когда братья делились, то старый огонь доставался младшему брату, а старшие зажигали себе огнивом новый. Бывали случаи, когда каждый брал себе по головне из отцовского дома. При свадьбе новый огонь зажигается в юрте молодых огнивом, о чем уже упоминалось. Огнивом же зажигается огонь при жертвоприношении, и только в редких случаях, если кто-нибудь из рода живет близко, огонь берется у него. Свой огонь есть огонь родовой. При камланья «от-айя» и «оимок-ару» белой овцой, которое устраивается всем родом раз в три года, разрешается присутствовать в избе лишь членам своего рода; женщины этого рода, вышедшие замуж в чужой род, лишаются права присутствовать при жертвоприношении, так как ушли уже от своего огня и перешли к другому. Вот почему при свадебных обрядах, в тот момент, когда девушка бросает свой очаг, становится членом другого рода, совершается обряд приобщения, передачи ее под покровительство нового очага. Кроме того, в этот момент, больше чем когда-либо, нужно защищать молодых от козней злого духа, что лучше всего

можно сделать при помощи благодетельной свлы огня. Во время свадьбы, когда приезжают уговариваться насчет калыма, после того, как родителями дано согласие на брак, жених берет чашку, наполненную аракой, а сват или кто-либо другой, кто знает молитвы, брызгает аракой и читает молитву матери-огню, прося благословения и разрешения на брак. У алтайцев, в то время, когда привозят калым, в очаг бросают мясо, льют сало и читают молитвы. К каждой ножке железного тагана привязывают белые ленточки и поливают жиром. У телеут, при свадебном обряде, вынимаются на шесток печи три глиняных очага в которые втыкают ветви из тальника, с привязанными к ним белыми и красными ленточками, и в каждый очаг нали-

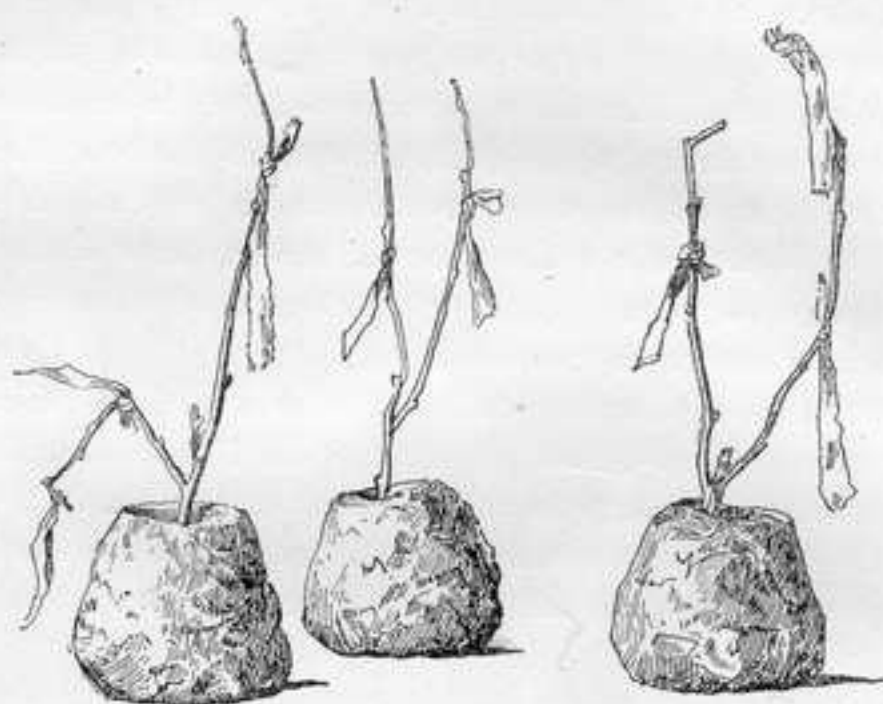

Рис. 2. Три очага на свадебном обряде у телеут.

вают масло. У алтайцев, в то время, когда расплетают косы невесты, родные жениха льют конский жир в очаг так, что огонь огромным пламенем взлетает вверх юрты, и с пением молитвы ходят три раза вокруг огня. В это время передают новую невесту огню, просят, чтобы жизнь широка и богата была, чтобы полный загон скота и полный дом детей был. С этого момента невеста становится уже полноправной и может сама приносить жертвы своему новому огню.

Огонь живет вместе с домом. Недаром в алтайской легенде о происхождении огня говорится: «И пошла мать-огонь вместе с ними и поселилась с ними в юрте и стала защищать и охранять их». Действительно огонь не выпускает в дом злых духов. Лучшее и самое почетное место в доме, за-

очагом — место хозяина. Защите матери-огня алтайцы приписывают редкость пожара. Если уж кто ее совершенно забыл, то она наказывает, поднимая головы свои до верха юрты. Она помогает всем живущим в доме: помогает готовить пиццу, посылает детей в дом, дает приплод скоту, она есть богатство, «аакыш», дома. У алтайцев на 7-ой день после смерти одного из членов семьи, всю ночь поддерживается в очаге юрты ярко горящий огонь; у телеут зажигают свечу или керосиновую лампу. Никому нельзя ложиться спать. Все родные сидят и разговаривают. Если в юрте в этот день не зажгут света, то душе покойника в пути будет темно. Душа покойника в этот день ходит около дома и стучит. Великий шум и скрип принимают за ее стук. Надо отгонять ее. Ничто так не отпугнет ее, как огонь.

Обитатели юрты и дома относятся с особой осторожностью к очагу: нельзя небрежно, шутливо обращаться с огнем, нельзя напрасно проливать воду на него. Сыпать мусор или грязь есть высшее оскорбление для чистого огня. Зола из печи или очага нельзя бросать там, где ходят люди. Телеуты и алтайцы складывают ее обычно в угол загона для скота, чтобы человек не наступал на нее. Огня нельзя касаться железным ножом: им можно поранить голову огня. Огонь никогда не гаснет: в юртах в очаге раздувают вновь слабо тлеющие угли; в телеутских печах загребают угли в маленькую ямку направо от чела, где они и сохраняются до утра, или приносят угли из юрт, стоящих в ограде около дома. Теперь уже в большинстве домов разрешаются и спички. На ночь на печь нельзя класть собачью шкуру, шкуру барсука, и сурка (обижаются на русских, когда те кидают свои шанки). Редко держат кошку. После камланья огню белой овцой, в течение года не выпускали кошку в дом. В обычное же время кошке разрешается подходить к очагу, но собаку за это бьют. Самим хозяевам не разрешается спать на печи. В продолжение года после камланья огню, нельзя мешать дрова железной клюкой. Старика телеуты не держали железной клюки, а мешали дрова березовой. Дрова надо тихонько класть в печь, чтобы не рассердить мать-огонь. Дрова она любит по преимуществу березовые.

Огонь все очищает, рассеивает всех злых духов и злые мысли человека. Весною, около Троицы, когда телеуты ставят вблизи своих домов украшенные лепточками березки в жертву Ульгению и родовым духам, их прежде всего окуривают огнем, также как и посвящаемых Ульгению лошадей. Если женщина взойдет на крышу, то окуривают дом; если она наступит ногой или сядет на мужское седло, то окуривают седло. При рождении ребенка окуривается он сам и зыбка. При жертвоприношениях кам окуривает всю свою одежду, шапку, бубен, весь материал для жертвоприношений и по-

суду. При очищении огнем, зажигают «арчин» (или «аршин») — можже-
вельник.¹

Огонь — самое страшное средство для запугивания Ёзута, духа умерших, вселившегося в больного. Во время совершения обряда лечения больного, т.-е. изгнания из него Ёзута, три раза берут на совке раскаленные угли и подносят к больному, окуривая его. Прежде чем приступить к какому-нибудь очищению, исполняющий обряд обводит зажженным «арчином» вокруг своей головы и правой руки, а также и вокруг себя в доме. Затем подходит к больному и окуривает его. Обгоревший «арчин» бросают в огонь или затыкают за бревна юрты. При всяком очищении огнем читается особая очистительная молитва огню, она же читается в начале всякой другой молитвы во всех случаях жизни:

«Тридцатиголовая огонь-мать,
Сорокаголовая девица-мать,
Варящая все сырое,
Тающая все мерзлое,
Спустись, окружи и будь отцом,
Спустись, наклонись и будь матерью».

По треску огня стараются угадывать будущее. Алтайцы верят в то, что хозяин очага предупреждает их о событиях, которые им самим неизвестны; например, в отсутствии кого-либо из членов семьи, огонь извещает о его скором возвращении или о несчастье, постигшем его в пути; предупреждает о приезде гостей: огонь начинает трещать особым образом, а таган — стучать, словно кто-то по нему ударяет.

¹ Это растение очень почитается алтайцами и телеутами. Зря его нельзя рвать. Подходят к кусту «арчина», стараясь идти все время в направлении на восток. Прежде чем оторвать ветку от куста «арчина», к нему привязывают ленточки, белые и красные, и кланяются три раза. Дома часть «арчина» затыкают за бревна юрты, оставшееся убирают в суму, чтобы никто понапрасну его не трогал. «Арчин» кладут в огонь перед началом каждого жертвоприношения. Во время грома бросают «арчин» в очаг. «Арчин» в культе алтайцев-бурханистов играет большую роль. Интересно, что они передают друг другу ветки «арчина» в то время, когда здороваются, и в это же время бросают «арчин» в огонь. Крещенные алтайцы употребляют «арчин» для окуривания больных детей и скота; иногда бросают его в огонь; из него же делают венки и вешают на иконы, прося священника окропить святой водой.

IV.

Огонь, с его длинными языками, служит посредником между человеком и божествами. Огонь передает жертвы различным духам. Ни одна жертва не пойдет к Ульгеню прежде, чем ее не примет огонь. Огонь поедает жертву, передавая ее божествам. Ни один кам не согласится идти ни к какому духу без разрешения матери-огня. «Без нее идти нельзя», говорила камка, «а если она с тобой, то идти и светло и легко». Вот почему каждое камзанье начинается с обращения к матери-огню и с молитвы к ней.

Жертвоприношения огню часты в жизни алтайцев и телеут. От каждой еды, от каждого питья алтаец отдает огню его долю: жарится ли мясо, гонится ли арака или кипятится чай, мать-огонь получает первая. Наиболее любимым жертвоприношением огню у алтайцев является конский жир, арака, навар чая, а у телеут — чистое масло и арака, реже молоко. Масло и жир, от которых огонь «радуется», т.-е. ярко вспыхивает, наиболее для него желанны. Брызгание, кропление происходит в определенные сроки. Телеуты льют масло в то время, когда рождается новый месяц. Если в доме есть больной, то кропить огонь нельзя. Дрова при брызганьи должны быть березовые. День спустя нельзя ни мыть, ни мести избу. Масло должно быть свежее. Если хозяйка дает огню горькое масло, то у коров будет болеть вымя. Если хозяйка рассердит огонь, то у детей появятся на шее и голове огненные пятна. В огонь же, как жертву, кладут «арчин».

Кроме обычных повседневных жертвоприношений, раз в два-три года устраивается у телеут торжественное жертвоприношение верховному боже-ству огня, «оимок-ару». Ему приносят в жертву совершенно белую двух- или трехлетнюю овцу. Кроме этого для «оимок-ару» готовят «туяс абырт-кы» и 4 рубахи. Для «урум-кана», живущего на пути к «оимок-ару» — 3 рубахи и ведро с аракой; «от-айн», огню своего домашнего очага, льют только масло. Вынимается три глиняных очага, т.-е. три глиняных, круглых ко-лобка, с ямочкой посредине и ставятся на шестке русской печи, справа от отверстия. Обычно они хранятся около трубы или на печи и вынимаются только во время свадьбы и жертвоприношений. В ямки трех колобков-очагов наливается жир или масло и вставляются три ветви тальника, украшенные светлыми лентами. В печи разводят огонь. Дверь избы плотно закры-вается. Присутствуют лишь одни сородичи. И кам отправляется от трех очагов в свое странствование через каменное жилище «урум-кана» к ме-стопробыванию «оимок-ару» в чистой, белой тайге. Поднимаясь и опу-скаясь на тринадцати спусках и подъемах, несет с собой четыре рубахи, ведро с «абыркой», корытце с крошеным мясом и раздвоенное древо,

на середине которого подвешено 8 лент и заячья шкура. Возвращается кам назад на гусе к «оро» (ямке), в которую обычно загребают угли. Кости жертвенной овцы, после камлания, складывают около трубы, туда же убирают и три глиняных очага.¹

V.

Бурханизм² — реформированное под влиянием ламанизма шаманство. Отбросив кровавые жертвоприношения,³ поклонение злему духу Ерлику, он возобновил почитание Ёч-Курбустана, как высшего божества, и сохранил поклонение огню. Культ огня у бурханистов-алтайцев имеет некоторое отличие от культа шаманистов. Бурханисты связывают огонь с некоторыми светилами, главным образом с солнцем. В молитве читают: «От белой ясности отделившаяся, от отца Каршита (сына Ульгена) разделенная», или: «С земли трех Курбустанов,⁴ с верхнего места (или с верхней земли) выкроенная мать-огонь, с земли трех Курбустанов выпрошенная, взятая мать-огонь, спустившаяся на белый пепел».

Отношение к огню у бурханистов, пожалуй, даже строже, чем у шаманистов. В огонь не кладут ничего грязного, не проливают даже крови. Женщина в определенный период своей жизни не должна дотрагиваться до тагана. Она не может подать головню из очага для закуривания, и сама не закуривает непосредственно от очага. Человеку чужого рода не разрешается выносить огонь из юрты. Сородичам разрешается выходить с огнем только в начале месяца, в старый месяц никому не дадут огня. Самя хозяева не выходят с зажженной трубкой рано утром и вечером. Жертвы огню приносят, вынув ножи из ножен и отложив их в сторону, в знак подчинения.

¹ Интересно отметить, что три глиняных очага у телеут являются пережитком того времени, когда алтайцы, у которых теперь треножный железный таган, и телеуты, имеющие сейчас русские печи, ставили свой таган на три камня. Употребление трех камней, вместо железного треножного тагана, до сих пор сохранилось в Кузнецкой тайге и у телеут в Бачатах для варки пищи в летнее время. Необходимый же в данном случае тальник лишней раз указывает на то, что телеуты пришли из Кузнецкого уезда, где тальник наиболее распространен.

² В основе бурханизма лежит поклонение бурханам: солнцу, луне, Алтаю, языкам, огню, и почитание богатырей, например, Шуна, Ойрот-хана и др. Бурханисты из своей среды избирают особенно развитых и знающих людей — «жырлыкчы», которые исполняют все обряды и заменяют для них шаманов.

³ Между прочим, теперь уже во многих местах бурханисты начали приносить в жертву бурханам овец.

⁴ Слово «Курбустан» «жырлыкчы», переводил как планета.

Огню устраивают около очага жертвенник, «табыл», слепленный из глины, в виде невысокого четырехугольного столбика, суживающегося немного кверху, или сложенный из каменных плит. Утром и вечером на этом жертвеннике хозяйка дома зажигает «арчин»-можжевельник. На нем же сжигается «арчин» и во время больших молений, устраиваемых (каждой отдельной семьей или сородичами общества) в начале месяца всем бурханам.

Бурханисты у подножия гор устраивают для своих бурханов большие жертвенники, «куре», в которых складывается из каменных плит незамкнутым кругом особый жертвенник для огня. Внутри его в пустом пространстве раскладывается костер, огонь в котором поддерживается в продолжение всего моления (молятся в данном случае солнцу, луне, горной вершине, вблизи которой находятся айлы: так в Караколе — вершине Каракол, в Верхней Чарге — Жалманку).

У каждого «жырлыкчы» существуют особые правила моления огню. Например, в Караколе, «жырлыкчы» Парпауз установил моление и кропление огню в первые восемь дней месяца, при восходе солнца, затем на 14-й, 16-й и 20-й день; в первые четыре дня месяца никому постороннему не разрешается ничего выносить из айла. Как общее правило, кропление огню совершается в начале месяца, с первого дня появления луны и до 16-го дня; кропят лишь в четные дни. Кропление жиром бурханисты заменили кроплением чистым молоком, реже маслом. Вином-аракой кропление огню не разрешается. Масло льют в свой очаг лишь тогда, когда хозяин юрты отправляется на общественное моление, происходящее у «куре» (жертвенника), устроенного на горе; но и тогда часто масло заменяется молоком. Ритуальная пища, которая ставится тогда на жертвеннике, состоит из «stalkана», «курута», «каймака». Наиболее употребительное жертвоприношение огню — «арчин».

При свадьбе, огню кропят также одним молоком, реже маслом. Старший из присутствующих, во время чтения молитвы, снимает шапку и кланяется огню. «Жырлыкчы» сначала кропит в той юрте, в которую предварительно была привезена невеста, затем в юрте родителей жениха и в юрте молодых. Невеста во время передевания и заплетания кос, приносит в жертву огню «арчин».

При каждом молении, у огня обычно просят «суе» — зародыш на детей и на скот, «рыс» — счастья и «амыр» — спокойствия для своей души и для скота.

В тех местах, где телеуты и алтайцы обрусели и принимают уже христианство, культ огня забывается, представление о матери-огне исчезает. Единственной жертвой огню у крещеных алтайцев осталось брыз-

ганье аракой. Зола и головни только некоторые стараются положить туда, где бы их не топтали, большинство же бросает куда попало. В новый дом переносят огонь в совке, совершенно так же, как это делают русские крестьяне. Огонь дают каждому. Зажигают, конечно, спичками. Кошки и сами хозяева спят на печи. Чужого человека с мороза охотно пускают погреться на печке.

Обруселые крещеные телеуты местами еще с уважением относятся к огню. Зола не бросают куда попало, так как наступившему на нее болезнь причинится, живот будет болеть, белая грыжа «привяжется к нему». Печку надо обметать помелом каждый день: тогда в доме будет мир и согласие. Когда в печи ухнет масло или молоко, нельзя жалеть: все это идет огню. Обычно огонь дают и чужим. Нельзя огонь дать лишь в том случае, если в доме есть ребенок, у которого не отпала пуговина.

При переходе в новый дом, привозят с собой огонь. Но в этом случае, вместо молитвы матери-огню обращаются к бабушке-или матушке-соседашке, которых просят идти на новоселье, совершенно так же, как приглашают в любой нашей русской избе. И «тридцатоголовая огонь-мать, с ушами из пористого тростника, в одежде из красного и зеленого шелка» заменяется русским соседашкой, и старый культ огня вытесняется и заменяется нашими простонародными суевериями.

В заключение даю записанные мною телеутские тексты молитв огню и, вместе с тем, приношу благодарность проф. С. Е. Малову за проверку и редактирование текстов и А. В. Анохину за ценное содействие, при собирании материалов на месте.

Молитвы огню телеут.

I

Алкыш сѳс от-әнә

Одус пашту от-әнә
 Ойфон камыш кулактү
 Кырык башту кыс-әнә
 Жетти түшкүн түшкүндү
 Жетти јаикам јаикамдү
 Жаикым бажы каскакту
 Жетти түшкүн түшкүндү
 Түшкүн бажы алкышту!
 Уч очоктың әзі.

Тридцатоголовая огонь-мать,
 С ушами из согнутого камыша,
 Сорокаголовая девица-мать,
 По семи спускам спускающаяся,
 На семи зыбунах качающаяся,
 Преклоняя (качал) голову обитающая.
 На семи спусках спускающаяся,
 Спуская голову, прославляемая!
 Хозяин трех очагов.

Өрүм талдың мүзі
Көгөрүи көбө түшкән кан.

Ўзүбіскә түшкән кан.

Жажыл торко кимдү
Жажыл жалын кубаттү.
Кызыл торко кимдү
Кызыл жалын кубаттү.
Ада болуп чаккан
Ана болуп камыскан
Одус наштү от-анә!
Ойбон камыш кулакту
Ак чачакти жаилбан
Ак урузи тогулган
Көк чачакти жаилбан
Көк урузи тогулган
Одус наштү от-анә!
Жетти түшкүн тушкундү
Сүргүлдүни жетти ајаска јажылбан
Одус наштү от-анә!
От ордында оинлү.
Ажыра билган оимок-арү кайракан!

Тоңды болзо әргискән,
Чиди болзо быжырбан,
Ажыра билган оимок-арү кайракан!

Рога перевитого тальника —
Синеющая синева — спустившийся
царь.
Чтобы не прерываться спустившийся
царь.

В одежде из зеленого шелка
Веселое, зеленое пламя.
В одежде из красного шелка
Веселое, красное пламя.
Будучи высеченным отцом,
Будучи матерью зажженной
Тридцатиголовая огонь-мать!
С ушами из выгнутого тростника,
Сотворивший белые цветы,
Проливший белый навар,
Сотворивший сине цветы,
Синий навар проливший,
Тридцатиголовая огонь-мать!
По семи спускам спускающаяся,
Освещающая светом семь ясностей,
Тридцатиголовая огонь-мать!
Играющий огонь в очаге (ямке),
Чистый очаг, все знающий, ува-
жаемый!

Все мерзлое тающий,
Все сырое варящий,
Чистый очаг, все знающий, уважа-
емый!

II

Алас, алас, одус баштү от-анә

Кырык баштү кыс-анә
Чиди болзо быжырбан
Тоңды болзо әргискән
Ада болуп аиланын түш.
Ана болуп аил түш.

Алас, алас, тридцатиголовая огонь-
мать,

Сорокаголовая девица-мать,
Варящая все сырое,
Тающая все мерзлое,
Спустись, окружи и будь отцом.
Спустись, наклонись и будь матерью.

III

Молитва «урум-кан» у.

Ўзубаска тушкан кан,	Хан спустившийся (на землю) чтобы не прерываться,
Кок чачаги жаылган,	Зеленые цветы его распустились,
Кок урузи тогулган,	Зеленый жир его разлился,
Ак чачаги жаылган,	Белый цветок его распустился,
Ак урузи тогулган,	Белый навар его разлился,
Жетти тушкун тушкунду,	Спустившийся по семи спускам,
Тушкун бажы каскакту,	На верхушке спуска благословенный,
Жетти жаикам жаикамду,	На семи зыбунах качающийся,
Жаикам бажы алкышту,	На верхушке подъема прославля- емый,
Уч очокты ази урум-кан.	Хозяин трех очагов урум-царь.

Молитвы алтайцев-шаманистов.

IV

Одус нашту от-аня,	Тридцатиголовая огонь-мать,
Орба чачан кин-аня,	Колотушка бубна — красноречивая теща,
Ак-сары атту ар-жалдын.	На бело-желтой лошади великое пламя.
Алты азұлы кин-аня	С шестью клыками теща,
Жалалу жалар от	С ленточками огонь-лизун,
Жаламалу таш-очок	Каменный очаг с ленточками,
Ўбаракту от-аня	Мать-огонь с головным украшением,
Уч пулуиду таш-очок	Трехгранный каменный очаг,
Адам чапкан ар жалдын	Мой отец, высекавший великое пламя,
Аня комгон таш очок	Мать, сгребаящая в каменный очаг,
Чадарганя чадаран.	Искры искрящая.
Ак ајаска пираккан	Соединяющаяся с ясностью неба,
Сургүлдиня чбилуп	Свет растягивающая,
Алгаи сыны падылган.	Хребет Алтая освещающая.
Ўидуң ічин жарыткан	Внутри дома освещающий,
Ўбаракту от-аня.	С украшением на голове огонь-мать.
Алдың ічин жарыткан,	Освещающий внутренность аила,
Ак сары атту от-аня.	На бело-желтой лошади огонь-мать.

Талкан күлүн төжөнгөн
Таш-очок жаанган!

Толокно-золу подстиляющий,
Каменный очаг создавший себе!

V

Одус наштү от-анә,
Ада чаккан ар жалбын.
Анә көмгөн таш очок
Пак ползын!
Анаң брө үч очок
Анаң брө үч сыран,
Талкан күл обо болзын

Тридцатиголовая огонь-мать,
Высеченное отцом великое пламя.
Мать сгребаящая каменный очаг
Да будет кренкой!
Выше их три очага,
Выше их три жерди,
Толокно-зола да будет жертвенным
местом!
Оро турған үлгән кулаі баш ползын! Находящийся вверху Ульгень-бог да
будет главою!

Молитвы алтайцев - бурханистов.

VI

Паі саба тутурған
Паізың журту журтаткан
Ур саба тутурған
Узун теле пұлаткан
Ұзу күлгә түжүрүп
Кескен от-анәм кинім!
Ұч Курбустан жәрінең
Ұстүгу ороның жәрінең
Пычулун пүткән от-анә!
Ұч Курбустан жәрінең
Сыран алған от-анә.
Ак Кубарға түжүрүп,
Азыран коізон от-анә,
Алты Курбустан жәрінең
Курылап алған от-анә!

Богатую березу держащая,
Вечную жизнь давшая,
Тяжелую березу держащая,
Длинную веревку привязавшая,
На жаркую золу спустившая,
Пуповину отрезавшая, моя мать-огонь!
С земли трех Курбустанов
С верхних мест земли
Выкроевная, мать-огонь!
С земли трех Курбустанов
Выпрошенная, взятая огонь-мать.
Спустившаяся на белый пепел,
Выкормленная огонь-мать,
С земли шести Курбустанов
Заполученная огонь-мать!

VII

Төрт талалү көбө тіңіс

Четырехгранное (стороннее) крайнее
море.

Төрт кіндіктү от-анә
Кылдү бажым жажаан

С четырьмя пуповинами огонь-мать,
Волосную голову мою создавшая

Ак 6рг6ни курчабан,
Алты сыранды топчылабан,

Ак ајастаң п6луңган,
Ада каршыттаң айрылбан,

Алты сыранды адалабан,
Ак тибегі ч6илган,

Ак солыңы сайлбан!

Белый дворец окружающая,
Шесть основных жердей (юрты)
связавшая,

От белой ясности отделившаяся,
От отца Каршита (сына Ульгена)
разделенная,

Шесть жердей назвавшая (?),
Белой шелковой нитью растянув-
шаяся,

Белой радугой воткнувшаяся!